

С серьезными композиторами хочется говорить серьезно. Расспрашивать их о вечном — потому что с кем же еще говорить о вечном, как не с ними, — смутно догадываться, о чем не сказано, и расти в собственных глазах со скоростью гриба.

Говорить о музыке — занятие неблагодарное. Именно потому с Софьей ГУБАЙДУЛИНОЙ мы беседовали исключительно о музыке. А кому неинтересно — тому неинтересно. И ничего не напишешь.

Не все записанное здесь сказано мне лично. Что-то для английского видеофильма «Огонь и роза». Но особого греха в объединении двух интервью мы не видим.

— **ОТ БЕДНОСТИ** ничего хорошего быть не может. Если бедность преодолима, то она оборачивается каким-то странным образом богатства. В моем детстве не было ничего, что могло бы привлекать ребенка. Отец — инженер, в голодные годы мы жили очень бедно. Не было даже разговоров о том, чтобы купить игрушки, книжки или поехать летом в деревню... Единственной достопримечательностью нашего двора была помойка, не росло ни одного кустика, но я отлично помню, как сидела в этом голом дворе, смотрела в небо — и начинала жить там. Земля куда-то исчезала, и я словно шла по небу...

Когда я начала учиться в музыкальной школе, в нашей квартире появился инструмент — Рояль. Можно было сесть под него и наслаждаться этой акустикой, играть на струнах, на клавишах... А для музыкальной школы я выучивала пьески, невероятно бедные по звуку. И я решила: ну что ж, раз человечество так скудно — буду сама сочинять.

Я знала, что это труд ночами... Все-все знала уже тогда. И умоляла Бога, чтобы он дал мне этот путь — я буду сколько угодно работать...

МОЙ дед был мулла, переводил Коран на разные языки. А отец получил техническое образование и ничего даже слышать не хотел о Боге, сын как бы восставал против своего отца. Мать тоже старалась не говорить об этом и ничего не

Моя современница — 10 лет — 20 марта

— Появился рояль — и вы стали сочинять музыку, увидели икону — и пришли к религии. Для вас действительно очень важные вещи, в которых материально закреплена музыка или вера?

— Да, у меня почти мистическое отношение к инструменту. Каждый раз во время игры у пьесы появляется своя судьба,

— От боли. Общество вмешивается в человеческую жизнь, и это так мучительно... Меня иногда называют аполитичной, ведь это не так. Правда, у меня нет телевизора, и я не могу часто читать наши газеты — там на все предлагаются ответы, а я в любом готовом ответе вижу абсолютную неправду, поверхностность... Быть

теллекту, остается скованным, и стихийное начало — которое, может быть, в искусстве важнее всего — страдает от слишком сильного вмешательства сознания. А с другой стороны, вещи, которые сделаны только на интуиции, оказываются слишком материалистичны, как это ни странно. И я поняла — нужно найти только одно в музыке, что подчиняется логическому закону, а остальное полностью освободить для стихии. И тогда достигается такое равновесие, когда стихия художественного слышания не страдает и в то же время музыка логически завершена.

Как будет дальше — еще не знаю, это все эксперимент. Но пока мне удалось в нескольких сочинениях доказать, что такой закон равновесия существует.

— Сейчас все кинулись «спасать Отечество», просвещать. Вы не чувствуете в себе этого комплекса?

— Нет. Я была бы очень рада, если бы нашлись сильные люди, думающие об этом. Но они должны быть историками, политиками, экономистами... А для художника самое главное — осуществить тот дар, который несешь в себе, не погрешить перед своими отношениями с Богом, вот ЭТО не предать... И то — трудно, и то — громадная задача.

Ведь если шире посмотреть на историю — цивилизации уходят, рушатся, но если художник, живший в период распада, осуществил свой божий дар — то этого уже достаточно для мировой культуры.

Наша жизнь очень рассредоточена, быденное существование происходит как бы «стаккато», мы не успеваем выстроить какую-либо линию из своей жизни. А музыка помогает восстановить эту линию, она — как религиозный акт в буквальном смысле: «ре-лигио», т. е. восстановление «легато». Музыка становится религией, и художник словно приносит себя в жертву...

Мария БОГАТЫРЕВА.

Софья ГУБАЙДУЛИНА:

«От бедности ничего хорошего не бывает»

— хотя бы на 5 минут. Инструмент — живое существо, в него заложены все отзвуки нашего подсознания. Когда палец соприкасается со струной или смычок — с подставкой, происходит преобразование, духовная сила превращается в звук. Почти религиозное отношение к инструменту — это дар, и я стараюсь сохранить его в себе, даже усилить...

— Главное в искусстве — преобразование?

— Да, потому что превращение в иное состояние — это то, что объединяет нас с Богом.

— Значит, по-вашему, причастный искусству — причастен Богу?

— Мне кажется, да. Ведь не зря же с древнейших времен мы не видим человечества без искусства и без религии. Цивилизации уходят — культура остается. Человечество таким образом сохраняет свою целостность. Преобразование возможно только в искусстве и религии, это как исцеление.

— От чего?

аполитичной, вне общества, большое счастье, но у нас это невозможно. Например, после всех этих реформ (павловских, — М. Б.) я была просто выключена, я болела, не могла работать...

— А случалось вырваться, избавиться от этой боли?

— Да, невероятно счастливое ощущение. Это было в 71-м году в Карелии, в Доме творчества. Я целый месяц была сосредоточена лишь на музыке, на сущностном.

— Всего один месяц?

— Да, но это очень хорошо, другие и того не имеют. Была полная, исцеляющая сосредоточенность за столом...

Потом, конечно, я работала, но только превозмогая эту боль...

— Вы говорили, что последние пять лет работаете в области ритма. Ваша музыка логически выстроена?

— Меня очень долго не устраивала ни абсолютная стихийность, ни абсолютная закономерность в музыке. Мышление, которое все хочет подчинить логике и ин-

